

Вариант I	Вариант II	Вариант III
А Г Ё И Л О С Ф Ч Ъ Э	Б Д Ж Й М П Т Х Ш Ы Ю	В Е З К Н Р У Ц Щ Ъ Я
Вариант определяется по первой букве фамилии студента		

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)
Кафедра всеобщей истории

УТВЕРЖДАЮ:
Заведующий кафедрой
_____ С.А. Лазарев
«11» января 2022 г.

Наименование учебной дисциплины: «Всеобщая история и методология исторической науки»

Вариант I

I. Тест (10 операций)

1. Какие периодизации всемирной истории господствовали в средневековой историографии (два ответа):
 - а. по этапам священной истории
 - б. по правлениям императоров и королей
 - в. по четырем монархиям
 - г. до и после Великого переселения народов
2. Один из крупнейших представителей просветительской историографии, создатель теории географического детерминизма:
 - а. Ж. Боден
 - б. Г. Мабли
 - в. Ш.-Л. Монтескье.
3. Для исторического мировоззрения Д. Вико были свойственны идеи:
 - а. линейности исторического процесса
 - б. цикличности исторического процесса
 - в. регресса в истории.
4. Марксистская историческая методология может быть отнесена к группе концепций:
 - а. географического детерминизма
 - б. экономического детерминизма
 - в. провиденциализма.
5. Немецкий философ и историк, создатель концепции локальных культур:
 - а. О. Шпенглер
 - б. Г. Риккерт
 - в. М. Вебер.
6. Познание истории социальных групп, социальной истории – основная цель такого направления в историографии XX в., как:
 - а. исторической школы «Анналов»
 - б. Франкфуртской школы
 - в. теории «исторического синтеза» А. Берра.
7. Немецкий экономист, социолог, историк, создатель теории «идеальных типов», автор труда «Протестантская этика и дух капитализма» и др.:
 - а. Г. Риккерт
 - б. В. Дильтей
 - в. М. Вебер.
8. Согласно концепции О. Шпенглера, единицами исторического бытия являются:
 - а. локальные цивилизации
 - б. локальные культуры
 - в. этносы.
9. Крупнейший представитель английского исторического романтизма, создатель теории «героев и толпы»:
 - а. Т. Карлейль
 - б. Т.Б. Маколей
 - в. У. Робертсон

10. «Писать историю так, как это было в действительности» – один из главных постулатов историописания для:

- а. Л. фон Ранке
- б. Ф. Гизо
- в. Т. Карлейля.

II. Работа с историческими текстами (10 операций)

А) Прочитайте отрывки из исторических сочинений и ответьте на предложенные вопросы (7 операций).

Вольтер

Предисловие к «Истории Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России» (изданию 1732 года).

/.../ Сию историю короля шведского Карла XII ни в каком смысле не следует относить к великому множеству тех книг, каковые уже наскучили читающей публике. Ведь государь сей, равно как и соперник его Пётр Алексеевич, несравненно его превосходивший, был, по мнению всего света, замечательнейшей личностью из всех, явившихся на протяжении двадцати столетий. Однако же приступить к описанию его жизни побудило нас не только стремление поведать о делах и событиях необычайных. Мы полагали, что чтение такой книги может оказаться небесполезным и кому-нибудь из государей, ежели попадётся она им в руки, и тогда исцелятся они от безумной мании завоевательства, ибо где тот монарх, который может сказать: у меня больше отваги и добродетели, душа моя сильнее, а тело выносливее; я лучше знаю войну, и войско моё превосходит то, что было у Карла XII? И если уж, обладая всеми сими преимуществами и одержав столько побед, король сей был толико несчастлив, то на что могут надеяться другие, вдохновляемые таковыми же амбициями, но при меньших талантах и возможностях?

История сия составлена по рассказам людей известных, проживших немало лет рядом с Карлом XII и императором Московии Петром Великим. А поелику сии очевидцы уже удалились в страну свободную, и прошло несколько лет после кончины обоих сих государей, то и не было у них никакого интереса к сокрытию истины. Воспоминания свои представили нам: господин Фабрис, семь лет бывший приближённым к особе Карла XII; господин де Фьервилль, французский посланник; господин де Вильлонг, полковник шведской службы, и господин Понятовский, также полковник.

Ни единое из приведённых нами свидетельств не осталось без подтверждения очевидцев, пользующихся безупречной репутацией. Поэтому история сия совершенно не похожа на те брошюры, каковые появлялись до сего времени под названием жизнеописаний Карла XII. И если мы пренебрегли несколькими незначительными стычками между шведскими и московитскими отрядами, то лишь потому, что писали о шведском короле, но не о его офицерах, командовавших этими отрядами. Да и в том, что касается самого короля, было взято лишь наиболее интересное. По нашему убеждению история государя должна содержать в себе лишь то из содеянного им, что достойно памяти потомства.

/.../ Если кто-либо из государей или министров, усмотрит в сём труде неприятные для себя истины, пусть он вспомнит о том, что, будучи мужем государственным, он обязан давать обществу ответ в своих делах и только таковым образом может претендовать на славу и величие; что история – это беспристрастный свидетель, а не льстивый угодник, и что единственный способ склонить людей к доброму о себе мнению заключается в деяниях добра.

Вольтер

[Карл XII в Бендерах]

Могущество Карла и слава шведов приближались к своему концу. Более десятка коронованных голов уже давно со страхом и завистью взирали на распространение господства Швеции далеко за её естественными пределами на Балтийском море – от Двины до Эльбы. Падение Карла пробудило вожделения всех сих государей.

Царь, превосходивший своими силами оных монархов вместе взятых, воспользовался своей победой, захватил Выборг и всю Карелию, наводнил Финляндию войсками и осадил Ригу, после чего послал русский корпус, чтобы вновь возвести на польский трон короля Августа. Московитский император заменил Карла в качестве арбитра Польши и севера Европы. Но если Карл слышал в этом лишь зов возмездия и славы, царь имел в виду только собственные свои выгоды. Шведский монарх помогал союзникам и преследовал врагов, не заботясь о плодах одержанных побед Пётр, напротив, вёл себя как мудрый государь, а не стремящийся к одной лишь славе герой, и споспешествовал польскому королю лишь ради приобретения для московитов в вечное их пользование Ливонии.

...Столь переменившаяся фортуна Карла преследовала его и в самонаималейшем: лагерь шведского короля под Бендерами со всеми его жилищами был затоплен водами Днестра. После сего шведы отъехали на несколько миль к селению Варница, и, слов- но бы по тайному предчувствию будущих событий, король велел построить там большой каменный дом, где можно было бы в случае нападения несколько часов выдерживать приступ. Против своего обычая он даже обставил его с роскошью, дабы внушить туркам большее почтение.

На тот же манер было сооружено ещё два дома, один для канцелярии, другой для королевского фаворита г-на Гротгусена. Пока король занимался сим строительством, как будто решив навсегда остаться в Турции, великий визирь, опасавшийся интриг и жалоб с его стороны, отправил в Вену германского резидента при Порте с просьбой пропустить шведского короля через наследственные владения Австрийского Дома. По прошествии трёх недель сей посланец возвратился с согласием Императорского Регентского Совета оказывать Карлу XII все подобающие почести и безопасно препроводить его в Померанию. Пока германский резидент исполнял сию комиссию, великий визирь отправил к королю трёх пашей с целью уведомить его о настоятельной необходимости покинуть пределы Турецкой империи.

...Шведский король домогался того, чтобы Порты отправила его через Польшу вместе с многочисленной армией. Но Диван решил выслать Карла с одним только почётным эскортом из семи – восьми тысяч человек и не в качестве короля – союзника, а лишь как гостя, от которого хотят отделаться. В соответствии с этим бендерский сераскир приехал в Варницу, где находился лагерь короля, и всячески старался убедить его не откладывать долее свой отъезд.

...Карл, возмущённый тем, что его чуть ли не выгоняют из владений султана, решил вообще не трогаться с места.

Получив повеление из Константинополя, бендерский паша сразу же отправился в Варницу и спросил у короля, согласен ли он уехать как друг, или же придётся исполнить отданный категорический приказ.

...Угроза привела Карла в бешенство: «Исполни то, что тебе велено, но пооди прочь с моих глаз!» В тот же день по приказанию паши королю перестали доставлять съестные припасы и сняли янычарскую охрану. Варницким полякам и казакам было сказано, что если они хотят получать еду, то должны перейти из шведского лагеря в Бендеры под покровительство Порты. Все они исполнили сие, при короле же остались только офицеры его свиты и триста шведских солдат против двадцати тысяч татар и шести тысяч турок.

...Прозвучал приказ. Турки двинулись на ретраншементы, где их уже ожидали татары. Началась пальба из пушек. В единое мгновение янычары и татары ворвались в лагерь. Не успели шведы обнажить шпаги, как триста солдат, не оказавших никакого сопротивления, были уже пленены. Король в это время скакал верхом между своим домом и лагерем вместе с генералами Хордом, Дардорфом и Спарре. Видя, как в его присутствии солдаты сдаются в плен, хладнокровно сказал он своим спутникам: «Надо защищать дом, - и с улыбкой добавил: - Будем сражаться *pro aris et focis*».

Он галопом поскакал к дому, укреплённому насколько то было возможно; его охраняли сорок слуг, расставленные на манер часовых.

Сопровождающие его генералы, хотя и привыкшие к неустрашимому упорству Карла, всё-таки не могли не восхититься таковым хладнокровием и даже игривостью тона перед лицом целой неприятельской армии при десяти пушках. Всего за королём следовало несколько гвардейцев и слуг, не более чем двадцать человек.

Подъехав к дверям дома, увидели они осаждавших его янычар. Сотни две татар и турок уже проникли через окно внутрь и овладели всеми комнатами за исключением большой залы, где забаррикадировалась королевская прислуга. К счастью, зала была совсем рядом с той дверью, в которую хотели войти король и его свита. Карл спрыгнул с лошади с пистолетом в одной руке и шпагой в другой. Все остальные последовали за ним.

Янычары со всех сторон набросились на него. Их воодушевляли обещанные пашой восемь золотых дукатов каждому, кто хотя бы дотронется до короля при его пленении. Карл колот и валил замертво всех, кто только приближался к нему. Один из янычар упёр мушкет прямо в его лицо, и если бы рука турка не дрогнула от толчка бушующей свалки, король был бы убит на месте. Пуля скользнула по его носу, оторвала кусочек уха и раздробила руку генералу Хорду, который постоянно получал раны, когда находился рядом со своим повелителем.

Король воткнул шпагу в живот стрелявшего, а тем временем затворившиеся в зале слуги распахнули дверь, и он вместе со свитой стрелой влетел внутрь. Дверь сразу же захлопнули и завалили всем, что только оказалось под рукой. Теперь их было около шестидесяти человек: офицеры, гвардейцы, секретари, камердинеры и прочая прислуга.

Тем временем ворвавшиеся татары и янычары грабили всё, что только было в комнатах. «Ну что ж, пора уже выгнать из моего дома этих варваров», - сказал король. Встав во главе своих людей, он сам открыл дверь залы, выходящую в спальню, и они начали палить по скопившимся там грабителям.

Нагруженные добычей турки были ошеломлены при виде короля, коего привыкли они за прошедшее время почитать, и побросав оружие, стали выскакивать из окон и прятаться в подвалах. Карл воспользовался их замешательством и вместе с воодушевлёнными сим успехом шведами стал гонять ещё оставшихся по комнатам, убивая и нанося удары во все стороны. Через четверть часа дом был полностью очищен от нападавших.

В пылу боя король заметил двух янычар, спрятавшихся под его кроватью. Одного он прикончил ударом шпаги, но другой стал просить у него пощады. «Я дарю тебе жизнь, - сказал ему Карл, - при условии, что ты в точности расскажешь паше обо всём, здесь происшедшем». Турок поклялся исполнить сие условие, и ему позволили по примеру всех прочих выпрыгнуть в окно.

Снова став хозяевами дома, шведы забаррикадировали теперь и окна. Оружия у них было вполне достаточно; та комната, где хранилось множество мушкетов и порох, не подверглась разорению, и весь сей арсенал они употребили теперь в дело. Смертоносная пальба из окон чуть ли не в упор унесла за четверть часа жизни, по меньшей мере, двух сотен янычар.

Пушечные выстрелы не могли разрушить дом, ибо камни, из коих он был сложен, оказались столь мягкими, что ядра лишь пробивали в них дыры, но не могли повалить сами стены.

Татарский хан и паша хотели взять короля живым и, видя к вящему своему позору, что потеряли уже столько людей из целой армии, осаждавшей каких-то шестьдесят человек, решили поджечь дом, дабы принудить Карла выйти из него и сдаться. С этой целью начали они пускать зажжённые стрелы на крышу, в окна и в двери. За какую-нибудь минуту дом запылал, и загоревшаяся крыша должна была вот-вот обрушиться на шведов, однако король с полнейшим спокойствием распоряжался тушением огня. Увидев бочонок с какой-то жидкостью, он самолично опорожнил его прямо на пламя, но в бочонке оказалась водка, отчего пожар запылал с ещё большей силой. Зала, где сгрудились шведы, наполнилась едким дымом, а из-под дверей стали наползать языки пламени. Одна половина крыши уже провалилась внутрь дома, остатки второй высыпались наружу.

В сей крайности один из гвардейцев по имени Вальберг решился крикнуть, что надобно сдаться. «Станный человек, - сказал Карл, - он не понимает сколь более славно сгореть живым, нежели попасть в плен!» Другой гвардеец, Розен, заметил, что у соседнего дома, где помещалась канцелярия, каменная крыша, и поэтому он безопасен от пожара. Надо сделать вылазку и пробиться к нему, а там уже держать оборону. «Вот настоящий швед!» – вскричал король и,

поцеловав его, тут же поздравил полковником. «Вперёд, друзья мои, берите как можно больше пороха и пуль. Будем пробиваться шпагами».

Окружавшие горящий дом турки с ужасом и восхищением смотрели на то, что никто не выходит наружу. Но ещё более поразились они, когда из открывшихся дверей выбежали шведы во главе королём и яростно набросились на них. Карл и офицеры были вооружены шпагами и пистолетами. Едва отворилась дверь, каждый сделал по два выстрела, и тут же, бросив пистолеты, все они выхватили шпаги и отбросили турок более чем на пятьсот шагов. Но в следующее мгновение маленький сей отряд был окружён. Король, носивший всегда ботфорты, зацепился шпорами и упал. Двадцать янычар навалились на него, он только подкинул вверх свою шпагу, чтобы избежать позора самому её отдать в руки врага. Турки принесли его в главную квартиру паши, словно больного, которого боятся потревожить лишним движением.

Как только Карл понял, что он уже схвачен, буйный его нрав и воспалённая ужасным боем ярость неожиданно сменились спокойствием и кротостью. У него не вырвалось ни единого нетерпеливого слова, ни единого гневного взгляда не явилось на его лице. Одновременно с ним были захвачены его офицеры и тут же ограблены до нитки. Всё это случилось 12 февраля 1713 года....

Вопросы и задания к текстам

1. Докажите, что текст принадлежит историку – просветителю XVIII века.
2. Охарактеризуйте источниковую базу Вольтера. Чем она отличается от источниковой базы современного историка?
3. Назовите цели исторического сочинения в представлении Вольтера.
4. В чём кроется секрет литературного мастерства Вольтера? Назовите используемые им художественные приёмы.
5. В чём заключается мастерство Вольтера как исторического портретиста?
6. В чём Вольтер противопоставляет Петра I и Карла XII как государственных деятелей?
7. Какими средствами переводчик придаёт тексту Вольтера колорит XVIII века?

Б) Заполните таблицу (3 операции)

На каких аспектах акцентировали бы внимание историки, придерживающиеся других методологических подходов:

Методологические подходы	Приоритетные акценты (подробно с примерами)
Провиденциалист	
Романтик	
Представитель школы «Анналов»	

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)
Кафедра всеобщей истории

УТВЕРЖДАЮ:
Заведующий кафедрой
_____ С.А. Лазарев
«11» января 2022 г.

Наименование учебной дисциплины: «Всеобщая история и методология исторической науки»

Вариант II

I. Тест (10 операций)

1. Какие периодизации всемирной истории господствовали в средневековой историографии (два ответа):
 - а. по этапам священной истории
 - б. по правлениям императоров и королей
 - в. по четырем монархиям
 - г. до и после Великого переселения народов
2. Один из крупнейших представителей просветительской историографии, создатель теории географического детерминизма:
 - а. Ж. Боден
 - б. Г. Мабли
 - в. Ш.-Л. Монтескье.
3. Для исторического мировоззрения Д. Вико были свойственны идеи:
 - а. линейности исторического процесса
 - б. цикличности исторического процесса
 - в. регресса в истории.
4. Марксистская историческая методология может быть отнесена к группе концепций:
 - а. географического детерминизма
 - б. экономического детерминизма
 - в. провиденциализма.
5. Немецкий философ и историк, создатель концепции локальных культур:
 - а. О. Шпенглер
 - б. Г. Риккерт
 - в. М. Вебер.
6. Познание истории социальных групп, социальной истории – основная цель такого направления в историографии XX в., как:
 - а. исторической школы «Анналов»
 - б. Франкфуртской школы
 - в. теории «исторического синтеза» А. Берра.
7. Немецкий экономист, социолог, историк, создатель теории «идеальных типов», автор труда «Протестантская этика и дух капитализма» и др.:
 - а. Г. Риккерт
 - б. В. Дильтей
 - в. М. Вебер.
8. Согласно концепции О. Шпенглера, единицами исторического бытия являются:
 - а. локальные цивилизации
 - б. локальные культуры
 - в. этносы.
9. Крупнейший представитель английского исторического романтизма, создатель теории «героев и толпы»:
 - а. Т. Карлейль
 - б. Т.Б. Маколей
 - в. У. Робертсон

10. «Писать историю так, как это было в действительности» – один из главных постулатов историописания для:
- а. Л. фон Ранке
 - б. Ф. Гизо
 - в. Т. Карлейля.

II. Работа с историческими текстами (10 операций)

А) Прочитайте отрывки из исторических сочинений и ответьте на предложенные вопросы (7 операций).

Фернан Бродель

История и общественные науки. Историческая длительность (извлечение)

Я уже говорил о своем отрицательном отношении к чисто событийной истории. Но если быть справедливым, то необходимо признать, что в этой «чистой» описательности виновна не одна только история. Все общественные науки склонны попадаться в эту ловушку. Экономисты, демографы и географы уделяли значительно больше внимания настоящему, чем прошлому. Восстановление известного равновесия в этом отношении было бы крайне желательным. Это легко и даже необходимо сделать демографам. Это почти самоочевидно для географов (особенно для французских, воспитанных на Видаль де Ла Блаше). Но это очень редко среди экономистов, которые стали пленниками чрезмерно кратковременной перспективы. Их исследования проводятся во временном интервале, ограниченном, с одной стороны, 1945 годом, а с другой — настоящим моментом, к которому планирование и прогнозы могут прибавить несколько месяцев, в лучшем случае лет. Я смею утверждать, что все ограничения во времени сдерживают развитие экономической мысли. Экономисты возразили бы мне в том отношении, что это задача историка — выйти за пределы 1945 года в поисках прошлого экономических систем. Но, отказавшись от прошлого, они тем самым по собственной доброй воле сокращают данное им великолепное поле для наблюдений, отнюдь не отрицая его ценности. Экономисты стали жертвой привычки служить самым непосредственным нуждам и современным правительствам.

Позиция этнографов и антропологов не столь резко очерчена и не столь тревожна. Правда, некоторые из них продолжают твердо настаивать на невозможности и бесплодности введения истории в их науку. <...> Как же антропология может перестать интересоваться историей? Клод Леви-Стросс любит говорить, что антрополог и историк участвуют в одном и том же интеллектуальном предприятии <...>. Сколь бы примитивным ни было общество, «когти событий» всегда оставляют на нем свои следы. Не было общества, следы истории которого были бы полностью утеряны. Вот почему несправедливо жаловаться на отсутствие внимания к истории со стороны этих наук.

Напротив, можно очень основательно критиковать кратковременную перспективу подхода к событиям, доведенную до крайности тем типом социологии, который ограничивается обследованием настоящего. Все, что оказывается на границах социологии, психологии и экономической науки, может стать предметом такого обследования. Оно модно не только во Франции и по своему характеру представляет некую постоянную игру по уникальной значимости настоящего с его «вулканическим» жаром и избытком деталей. Зачем возвращаться к прошлому, к этой обедненной, заброшенной, схематизированной, погруженной в молчание стране? Но мертво ли это прошлое и действительно ли его следует реконструировать, как вам это пытаются доказать? Несомненно, историк иногда слишком легко извлекает из прошлого то, что ему представляется существенным для данного периода. Как часто говорил Анри Пиренн, историк не испытывает затруднений при отборе «важных событий», иными словами, «тех событий, которые имели последствия». Нельзя не видеть опасности такого упрощения. Но чего не отдал бы наблюдатель настоящего за возможность углубиться в прошлое (или, скорее, уйти вперед — в будущее) и увидеть современную жизнь упрощенной, лишенной масок, вместо той непонятной, перегруженной мелочами картины, которая является вблизи? Клод Леви-Стросс утверждает, что один час беседы с современником Платона сказал бы ему о монолитности (или же, наоборот, разобщенности) древнегреческой цивилизации больше, чем любое современное исследование. <...> И я вполне с ним согласен. Но он прав только потому, что в течение многих лет слушал голоса многих греков, спасенных от забвения. Историк подготовил его путешествие. Час в сегодняшней Греции не сказал бы ему ничего или почти ничего о монолитности или раздробленности современного греческого общества.

Более того, исследователь настоящего может проникнуть в глубинные элементы существующих социальных структур только с помощью аналогичного процесса реконструкции, выдвигая гипотезы и объяснения и отказываясь принимать реальность такой, какой она представляется. Он проникает в глубины, либо упрощая, либо добавляя к существующему нечто свое. Все это способы отступить от материала, чтобы лучше овладеть им. Я сомневаюсь, что современная социологическая фотография более «истинна», чем историческая картина прошлого. Чем больше она уходит от «реконструкций», тем менее истинной она становится.

Филипп Арьес подчеркивал, что в историческом объяснении важную роль играет чувство новизны объекта. Вступая в XVI столетие, вы попадаете в странное окружение, странное для вас, человека XX века <...>. Почему это окружение кажется вам странным? Это как раз тот вопрос, который вы должны решить. Но я бы также сказал, что чувство удивления, незнакомости, удаленности (а все это необходимо для познания) в равной мере нужны и для понимания непосредственного окружения: если оно очень хорошо знакомо вам, то вы теряете способность ясно видеть его. Француз, проживший год в Лондоне, не узнает многого о жизни Англии. Но путем сравнения и под влиянием чувства удивления, которое охватит его там, он внезапно осознает некоторые наиболее фундаментальные и специфические особенности Франции, которых он не видел ранее именно потому, что они постоянно были у него перед глазами. Как прошлое, так и настоящее познается на расстоянии.

Историки и представители общественных наук, без сомнения, могут спорить до бесконечности относительно сравнительных преимуществ безжизненных документов и свидетельских показаний, слишком близких к жизни; относительно достоинств прошлого, которое слишком отдалено, и настоящего, которое слишком близко. Я не считаю это главной проблемой. Прошлое и настоящее всегда проливают взаимный свет друг на друга. Если изучать только то, что вблизи, внимание неизбежно концентрируется на том, что быстро движется, блестит (хотя это не обязательно золото), меняется, производит шум и вообще поражает. Опасность простой каталогизации событий в этих условиях так же велика, как и в исторических науках. Ей в равной мере подвержены и антрополог, проведенный три месяца среди какого-либо полинезийского племени, и промышленный социолог, гордый моментальными зарисовками последнего обследования и верящий в то, что удачно составленная анкета и набор перфорированных карт могут дать полное описание социального механизма. Социальную дичь поймать не так просто.

Например, какое значение для наук о человеке может иметь карта маршрута молодой девушки, когда она выходит из своего дома в XVI округе Парижа и направляется на урок музыки и научно-популярную лекцию <...>. Очень милая карта. Но если бы эта девушка изучала агрономию и занималась воднолыжным спортом, треугольник ее маршрута выглядел бы совершенно иначе. Я рад предоставленной мне возможности познакомиться с картой расположения жилищ служащих крупной парижской фирмы. Но если у меня нет карты прошлого расположения их жилищ или если интервалы времени между сбором тех или иных данных слишком малы для того, чтобы можно было установить какую-то связь, то я вообще не вижу здесь никакой проблемы. Исследование в таком случае теряет свой смысл. Обследования ради обследований представляют интерес только в том отношении, что они накапливают информацию. Но это не значит, что все они обязательно пригодятся для будущих исследователей. Будем остерегаться искусства ради искусства.

Точно так же я сомневаюсь, что можно социологически обследовать отдельно взятый город вне связи с более широкой исторической перспективой. <...> Каждый город, в определенном смысле целостное общество со своим внутренним ритмом, кризисами, внезапными изменениями и с постоянной потребностью в планировании, должен вместе с тем рассматриваться в комплексе с окружающими его сельскохозяйственными районами и архипелагом соседних городов. <...> Следовательно, развитие города нельзя изучать в изоляции от исторического развития всего этого сложного комплекса, который часто своими корнями уходит в далекое прошлое. И разве при изучении каких-то конкретных форм обмена между городом и деревней, промышленной или торговой конкуренции не чрезвычайно важно знать, имеем ли мы дело с новым и бурным процессом или с завершающей фазой старого, давно возникшего явления, или же с монотонно повторяющимся феноменом?

В заключение мне хотелось бы привести слова, которые Люсьен Февр любил повторять в последнее десятилетие своей жизни: «История — это наука о прошлом и наука о будущем». И действительно, разве история, эта диалектика времени, не является объяснением социальной реальности во всей ее полноте — как непосредственно переживаемого момента, так и прошлого? Она учит нас бдительности в отношении событий. Мы же должны мыслить исключительно категориями краткосрочной перспективы.

Источник: Философия и методология истории / под ред. И. С. Кона. [Переизд. 1963]. Благовещенск: РИО Благовещ. гуманитар. Колледжа им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 115–142.

Фернан Бродель

Об истоках английской промышленной революции

Промышленная революция, которая началась или внезапно возникла в Англии около 50-х или 60-х годов XVIII в., представляется процессом крайне сложным. Разве не была она завершением некой «индустриализации», начавшейся столетиями и столетиями раньше? Разве, непрестанно обновляясь, не присутствует она и ныне вокруг нас? <...>

Займованное из лексикона астрономов, слово революция в значении переворота, разрушения существующего общества появится, видимо, впервые в 1688 г. в английском языке. Именно в этом значении, но в такой же мере и в смысле противоположности реконструкции, следует понимать удобное выражение промышленная революция, предложенное не Фридрихом Энгельсом в 1845 г., но, несомненно (в 1837 г.), французским экономистом Адольфом Бланки, братом революционера Огюста Бланки. <...> Среди историков оно сделалось классическим лишь после публикации в 1884 г. «Лекций о промышленной революции» — курса, который Арнольд Тойнби прочел в Оксфорде. <...>

Историки часто упрекают в злоупотреблении словом революция, которое-де должно было бы сохраняться, в соответствии с его первым значением, для обозначения явлений насильственных и в неменьшей степени быстрых. Но, когда речь идет о социальных явлениях, быстрое и медленное неразделимы. В самом деле, нет общества, которое бы не разделялось постоянно между силами, которые его отстаивают, и силами подрывными, сознательно или бессознательно старающимися его сломать; и революционные взрывы суть лишь вулканические проявления, краткие и жестокие, этого латентного и большой продолжительности конфликта. <...> Промышленная революция, что возникла в Англии в конце XVIII в., не составляет исключения из этого правила. Она была одновременно серией ярких событий и процессом, вполне очевидно, очень медленным. Игра шла разом в двух регистрах. Диалектика времени краткого и времени длительного заставляет себя принять, хотим мы того или нет. Например, в соответствии с объяснением У. У. Росту, английская экономика «пошла на взлет» между 1783 и 1802 гг. по причине преодоления критического порога капиталовложений. От такого объяснения <...> остается прежде всего образ «отрыва» (take off), взлета самолета, покидающего взлетную полосу. И следовательно, события точно датируемого и краткого. Но в конце-то концов, прежде чем он оторвался, потребовалось, чтобы самолет, чтобы некая Англия была построена и чтобы условия полета были обеспечены заранее. <...> Одни усматривают этот процесс в наличии еще до начала XVII в.; другие полагают, что «славная революция» 1688 г. была решающим моментом; третьи заставляют радикальную трансформацию Англии совпасть с великим

экономическим подъемом второй половины XVIII в. <...> И каждый по-своему убедителен, смотря по тому, делает ли он ударение на сельском хозяйстве, на демографии, на внешней торговле, на индустриальной технике или на формах кредита... Но следует ли рассматривать промышленную революцию как некую серию модернизаций по секторам, как какую-то последовательность фаз прогресса, или же под углом зрения совокупного роста, вкладывая в слово «рост» все возможные значения? Если в конце XVIII в. английский рост сделался необратимым, не более, не менее как «нормальным состоянием» Англии, то определенно не из-за факта такого-то или такого-то частного прогресса (включая уровень сбережений или инвестиций), но, напротив, из-за факта наличия неразделимого множества... взаимозависимостей и взаимных уступок, которые каждый сектор своим более или менее давним развитием, плодом [усилий] интеллекта или случая, создавал к выгоде других секторов. В самом деле, «настоящий» рост... разве может он быть чем-то иным, чем таким ростом, который необратимым образом связывает несколько направлений прогресса и выталкивает их вверх все вместе, так что одни из них опираются на другие? <...>

Удавшаяся промышленная революция предполагает общий процесс роста, а значит, глобального развития, которое «в последнем счете предстает как процесс преобразования экономических, социальных, политических и культурных структур и институтов». Именно вся глубина общества и экономики оказывается затронутой, и она должна быть способна сопровождать, поддерживать, даже терпеть перемену. <...> В самом деле, достаточно, чтобы в таком-то или таком-то пункте пути образовалось торможение, то, что мы сегодня называем «узким местом», и машина заедает, движение прерывается, может даже произойти отступление. <...>

Демографический рост, когда он «съедает» результаты развития; нехватка квалифицированной рабочей силы; тенденция вести индустриализацию в секторах престижных и эвентуально экспортных из-за недостаточности спроса на внутреннем рынке на обычные промышленные изделия; наконец, более всего прочего, «сельскохозяйственный барьер» — недостаточность и негибкость предложения продовольствия в сельском хозяйстве, остающемся архаичным и в значительной степени самодостаточным: неспособным удовлетворить рост потребления, который автоматически влечет за собой возросшее использование населения, занятого наемным трудом; в сельском хозяйстве, которому даже не всегда удается прокормить свой собственный демографический прирост и которое выбрасывает в города пролетариат безработных, которое, наконец, неспособно увеличить свой спрос на элементарные промышленные изделия, будучи слишком бедным. В сравнении с этими главными трудностями потребность в капиталах, уровни накопления, организация и цена кредита показались бы почти что второстепенными. Но не та ли это картина, о которой можно сказать, что она рисует все те препятствия, каких не знала более Англия XVIII века, да, вне сомнения, уже и Англия XVII в.? Следовательно, чего я требую от роста, так это согласованности между секторами: чтобы при одном прогрессирующем секторе-двигателе не останавливался другой, блокируя целое. Так что вернемся к тому, что мы предчувствовали по поводу понятия национального рынка — национального рынка, который настоятельно требует сплоченности, всеобщего обращения, определенной высоты дохода на душу населения. Во Франции, столь тяжелой на подъем (ее сплоченность будет достигнута лишь после окончания строительства ее железных дорог), разве не было там долгое время своего рода дихотомии, аналогичной существующей в некоторых из нынешних слаборазвитых стран? Очень современный, богатый, передовой сектор существовал там бок о бок с отсталыми зонами... Англия одержала успех в своей революции, находясь в центре мира, будучи сама центром мира. Страны «третьего мира» хотят, желают своего успеха, но они находятся на периферии. И тогда все действует против них, в том числе новые технологии, которые они используют по лицензиям и которые не всегда соответствуют нуждам их обществ; в том числе и капиталы, которые они занимают за границей: в том числе и морские перевозки, которые они не контролируют; в том числе и их собственное сырье, имеющееся в избытке и подчас отдающее их на милость покупателя. И именно поэтому картина нашего времени так печалит; именно поэтому индустриализация упрямо прогрессирует там, где она уже достигла прогресса, а пропасть между слаборазвитыми странами и остальными только увеличивается...

Промышленный подъем, более четко выраженный и более интенсивный, чем германский и итальянский прологи, — подъем, проявившийся в Англии между 1540 и 1640 гг. К середине XVI в. Британские острова пребывали еще с промышленной точки зрения далеко позади Италии, Испании, Нидерландов, Германии и Франции. Столетие спустя ситуация чудесным образом изменилась на противоположную, и ритм перемен был настолько быстрым, что эквивалент ему найдется вновь лишь в конце XVIII и начале XIX в., в самый разгар промышленной революции. Накануне своей гражданской войны (1642 г.) Англия сделалась первой промышленной страной Европы и останется ею. <...> Но почему именно Англия, тогда как великие инновации того времени были ею заимствованы — я имею в виду доменные печи и различное оборудование для подземных горных работ: штольни, вентиляционные системы, насосы для водоотлива, подъемные машины, — тогда как этой технике обучили Англию нанятые для этого немецкие горняки? Тогда как именно ремесленники и рабочие из самых передовых стран, Германии и Нидерландов, но также и из Италии (стеклянная промышленность) и Франции (тканье шерсти и шелка), принесли в нее технологии и навыки, необходимые для устройства ряда отраслей промышленности, новых для Англии: бумажных и пороховых мельниц, зеркальных фабрик, стекловых заводов, литейных заводов для отливки пушек, фабрик квасцов и купороса, рафинадных сахарных заводов, производства селитры и т. д.? Удивительное заключается в том, что, внедрив их у себя, Англия придала им неведомый до того размах: увеличение предприятий, размеры построек, рост численности работников, достигавшей десятков, а порой и сотен человек, громадность (относительная) капиталовложений, которые исчислялись в многотысячи фунтов, в то время как годовая заработная плата рабочего была порядка всего 5 фунтов, — все это было действительно новым и говорило о масштабах подъема, который будоражил английскую промышленность. С другой стороны, решающей чертой этой революции, чертой чисто самобытной, был рост использования каменного угля, ставший главной характеристикой английской экономики. Впрочем, не в силу сознательного выбора, но потому, что уголь этот восполнял очевидную слабость. Лес сделался редок в Великобритании, где он достигал в середине XVI в. очень высокой цены; такая нехватка и такая дороговизна диктовали обращение к каменному углю. Точно так же слишком медленное течение рек, воды

которых приходилось отводить по длинным подводным каналам, чтобы заставить ее излиться на водяные колеса, делало движущую воду намного более дорого стоящей, нежели в континентальной Европе, и вследствие этого оно стало побудительным фактором для исследований, связанных с паром. <...> Итак (в противоположность Нидерландам или Франции), Англия вступила на путь очень широкого употребления каменного угля, опираясь на Ньюкаслский бассейн и на многочисленные местные залежи. Копи, на которых крестьяне работали часть времени и только на поверхности, узнали с тех пор непрерывную работу: шахты углублялись в землю до 40–100 метров. Производство с 35 тыс. тонн к 1560 г. было доведено до 200 тыс. тонн в начале XVII в. Рельсовые вагоны доставляли уголь от копи до пунктов погрузки; все более и более многочисленные специализированные корабли развозили его далеко по всей Англии и даже, в конце столетия, в Европу. Уголь представлял уже как национальное богатство. <...>

Замена древесного угля не только позволила топить домашние очаги и роковым образом задымить Лондон. Она навязала себя также и промышленности, которой тем не менее пришлось приспособливаться к новой энергии, находить новые решения, в особенности для того, чтобы гарантировать обрабатываемые материалы от воздействия сернистого пламени нового топлива. Кое-как каменный уголь внедрился в производство стекла, в пивоварение, в кирпичное производство, в производство квасцов, на рафинадные сахарные заводы и в соляную промышленность на основе выпариваемой морской воды. Всякий раз происходила концентрация рабочей силы и по необходимости капитала. Рождалась мануфактура с ее просторными мастерскими и их одуряющим шумом, который иной раз не прерывался ни днем, ни ночью, с ее массами работников, которые в мире, привыкшем к ремеслу, поражали своим числом и своим нередким отсутствием квалификации. <...> Следовательно, в техническом отношении посредством увеличения своих предприятий, посредством нарастающего употребления каменного угля Англия внедряла инновации в промышленной сфере. Но тем, что толкало промышленность вперед и, вероятно, порождало инновацию, был сильный рост внутреннего рынка в силу двух дополнявших друг друга причин. Во-первых, очень сильного демографического подъема, который оценивался в 60 % на протяжении XVI в. Во-вторых, значительного увеличения доходов от сельского хозяйства, которое многих крестьян превратило в потребителей промышленных изделий. Встретившись лицом к лицу со спросом растущего населения и вдобавок с ростом городов, которые увеличивались на глазах, сельское хозяйство наращивало свою продукцию разными путями: распашкой целины, огораживаниями за счет общинных земель или лугов, специализацией земледелия, однако без вмешательства революционных приемов, предназначенных для увеличения плодородия почвы и ее производительности. Они начнутся практически только после 1640 г. и вплоть до 1690 г. будут идти крохотными шажками. <...> Из этого проистекало очевидное благосостояние деревни. То было время Великой перестройки <...> дома крестьян перестраивались, расширялись, улучшались, окна стали стеклить, очаги приспособлялись для использования каменного угля; посмертные описи имущества отмечают новое обилие мебели, белья, драпировок, оловянной посуды. Такой внутренний спрос определенно стимулировал промышленность, торговлю, импорт. Но сколь бы многообещающим ни было это движение, оно не увлекло за собой всего. Имелись даже важные секторы, которые тащились в хвосте. Так, в металлургии новая доменная печь немецкого образца <...> продолжала использовать древесный уголь... Если кокс только к 1750 г. взял верх над древесным углем, то это потому, что до того момента издержки производства давали преимущество последнему. К тому же долгое время английская металлургическая продукция оставалась средней, как количественно, так и качественно, уступая даже после принятия кокса металлургической продукции России, Швеции и Франции. <...> Другой отстававший сектор — суконная промышленность, столкнувшаяся с продолжительным кризисом внешнего спроса.

Источник: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Время мира. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. С. 552–559, 569–572.

Вопросы и задания к текстам

1. Докажите, что текст принадлежит историку – последователю французской школы «Анналов».
2. Охарактеризуйте источниковую базу Броделя. Чем она отличается от источниковой базы историков XVIII – XIX вв.?
3. В чем на ваш взгляд заключается «Броделевская революция» в понимании истории?
4. Назовите сильные и слабые стороны предложенного автором подхода к определению исторической науки.
5. В чём заключается мастерство Броделя как исследователя социально-экономических процессов?
6. В чем прослеживается взаимозависимость прошлого и настоящего (по мнению автора)? Согласны ли Вы с такой трактовкой?
7. Какими средствами пользуется автор для противопоставления «событийной» и «структурной» истории?

Б) Заполните таблицу (3 операции)

На каких аспектах акцентировали бы внимание историки, придерживающиеся других методологических подходов:

Методологические подходы	Приоритетные акценты (с примерами)
Провиденциализм	

Марксизм	
История повседневности	

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)
Кафедра всеобщей истории

УТВЕРЖДАЮ:
Заведующий кафедрой
С.А. Лазарев
«11» января 2022 г.

Наименование учебной дисциплины: «Всеобщая история и методология исторической науки»

Вариант III

I. Тест (10 операций)

1. Какие периодизации всемирной истории господствовали в средневековой историографии (два ответа):
 - а. по этапам священной истории
 - б. по правлениям императоров и королей
 - в. по четырем монархиям
 - г. до и после Великого переселения народов
2. Один из крупнейших представителей просветительской историографии, создатель теории географического детерминизма:
 - а. Ж. Боден
 - б. Г. Мабли
 - в. Ш.-Л. Монтескье.
3. Для исторического мировоззрения Д. Вико были свойственны идеи:
 - а. линейности исторического процесса
 - б. цикличности исторического процесса
 - в. регресса в истории.
4. Марксистская историческая методология может быть отнесена к группе концепций:
 - а. географического детерминизма
 - б. экономического детерминизма
 - в. провиденциализма.
5. Немецкий философ и историк, создатель концепции локальных культур:
 - а. О. Шпенглер
 - б. Г. Риккерт
 - в. М. Вебер.
6. Познание истории социальных групп, социальной истории – основная цель такого направления в историографии XX в., как:
 - а. исторической школы «Анналов»
 - б. Франкфуртской школы
 - в. теории «исторического синтеза» А. Берра.
7. Немецкий экономист, социолог, историк, создатель теории «идеальных типов», автор труда «Протестантская этика и дух капитализма» и др.:
 - а. Г. Риккерт
 - б. В. Дильтей
 - в. М. Вебер.
8. Согласно концепции О. Шпенглера, единицами исторического бытия являются:
 - а. локальные цивилизации
 - б. локальные культуры
 - в. этносы.
9. Крупнейший представитель английского исторического романтизма, создатель теории «героев и толпы»:
 - а. Т. Карлейль
 - б. Т.Б. Маколей
 - в. У. Робертсон

10. «Писать историю так, как это было в действительности» – один из главных постулатов историописания для:

- а. Л. фон Ранке
- б. Ф. Гизо
- в. Т. Карлейля.

II. Работа с историческими текстами (10 операций)

А) Прочитайте отрывки из исторических сочинений и ответьте на предложенные вопросы (7 операций).

Карло Гинзбург

К истории одного мельника...

Историков еще совсем недавно можно было упрекать в нежелании заниматься чем-либо, кроме деяний царствующих особ. Сейчас это уже не так. Все чаще они обращаются к тому, что их предшественники замалчивали, отодвигали в сторону или попросту не желали знать. <...>

Скудость свидетельств об угнетенных классах прошлого — первое (но не единственное) препятствие, с которым встречаются такого рода исследования. Из этого правила, однако, есть исключения. В настоящей книге рассказывается история одного фриульского мельника — Доменико Сканделла по прозвищу Меноккио, — который провел жизнь в полнейшей неизвестности и был сожжен по приговору инквизиции. Материалы двух судебных процессов, на которых с интервалом в пятнадцать лет рассматривалось его дело, дают нам широкую картину его мыслей и чувств, его фантазий и чаяний. В других документах содержатся сведения о его хозяйственной деятельности, о жизни его семейства. До нас дошли даже его собственноручные записи и неполный перечень прочитанных им книг (он умел читать и писать). Конечно, хотелось бы знать о нем больше. Но и то, что мы знаем, позволяет реконструировать хотя бы фрагмент того, что принято называть «культурой угнетенных классов» или «народной культурой». <...>

Но прежде чем попытаться уяснить, что нового вносит история Меноккио в решение этой проблемы, имеет смысл задуматься над тем, какое вообще значение в научном плане может иметь знакомство с идеями и убеждениями отдельного индивида данного социального ранга. Сейчас, когда количественная история идей или серийная история религии представлена обширными проектами, к разработке которых привлечены целые коллективы ученых, рассматривать через микроскоп судьбу какого-то одного мельника кажется делом несвоевременным или попросту абсурдным — столь же абсурдным, как в эпоху текстильных фабрик возвращаться к прялке. И неслучайно, подобные исследования считаются в принципе недопустимыми <...>.

И все же, если исторические документы дают нам возможность бросить взгляд не только на общую массу, но и на отдельную личность, глупо было бы ею не воспользоваться. Это не так уж мало: расширить за счет социальных низов объем исторического понятия «индивида». Конечно, всегда есть риск сорваться в пустую анекдотичность, в пресловутую «histoire événementielle» (которая не всегда и не обязательно является историей политической). Но этого риска можно избежать. Некоторые биографические исследования доказали, что индивид, ничем не выделяющийся из среднего уровня и именно поэтому репрезентативный, может выступать в качестве своего рода микрокосма, сосредоточивающего в себе все существенные характеристики целого социального организма <...>.

Может быть, и Меноккио относится к тому же ряду? Ничуть не бывало. Мы никак не можем посчитать его «средним» крестьянином того времени (то есть «типичным», представляющим статистически наиболее распространенный тип): его относительная изоляция среди односельчан говорит об обратном. Своим соседям Меноккио казался человеком, не похожим на других. Но эта непохожесть не была абсолютной. Меноккио не выходит за пределы культуры своего времени и своего класса: за этими границами — лишь безумие и полный обрыв каких-либо контактов с миром. Культура, как и язык, дает индивиду определенный набор потенциальных возможностей — что-то вроде клетки из гибких и невидимых прутьев, ограничивающей его свободу. Меноккио с поразительной эффективностью использовал язык, бывший в его распоряжении. Именно поэтому в его высказываниях с редкой наглядностью проявляется в едином комплексе то, что в других источниках, близких по времени, дано в разрозненном виде и вообще едва различимо. Параллельные исследования доказывают наличие в мировоззрении Меноккио черт, свойственных культуре деревни как таковой. В общем, даже такие пограничные случаи (а случай Меноккио, вне сомнения, относится к их числу) могут быть показательными. И в отрицательном смысле — ибо помогают уточнить, что надо понимать в каждой конкретной ситуации под «статистически наиболее распространенным». И в положительном — ибо позволяют очертить потенциальные границы некоего феномена (в нашем случае народной культуры), известного нам только из отрывочных и искаженных источников, каковыми являются архивы «репрессивных органов». <...>

Мы не хотим, разумеется, сталкивать между собой количественные и качественные исследования. Хотелось бы лишь указать на то, что когда речь заходит об истории угнетенных классов, количественные исследования с их стремлением к точности не могут обойтись <...> без качественных с их пресловутым импрессионизмом. <...> На самом деле, количественные исследования заслуживают критики совсем за другое: они еще слишком прочно держатся за вертикаль. В основе их лежит убеждение, что однозначные исторические указания можно почерпнуть не только из текста, но и из одного названия. Это неверно и становится все менее верным по мере того, как понижается социальный уровень читателей. Альманахи, песенники, религиозно-назидательные книги, жития святых, все то, что составляло основную массу книжной продукции того времени, представляется нам теперь чем-то статичным, инертным, ничем не отличающимся друг от друга, но так ли воспринимал эту литературу современный ей читатель? Может быть та устная культура, носителем которой он был, воздействовала на его восприятие текста до такой степени, что текст переставал

быть равным себе? Каждый раз, когда Меноккио говорит о прочитанных им книгах, мы встречаемся именно с таким восприятием текста, в корне отличающимся от отношения к тексту современного образованного читателя. У нас появляется возможность конкретно представить себе то расхождение, которое имелось между содержанием «народных» книг и тем, что извлекали из них крестьяне и ремесленники <...> Конечно, в истории Меноккио это расхождение оказывается чрезвычайно глубоким — вряд ли это был типичный случай. Но повторим еще раз: именно эта исключительность указывает нам направление дальнейших поисков. В том, что касается, к примеру, истории идей, лишь признав, что исторической изменчивости подвержена среди прочего и фигура читателя, мы приблизимся к созданию истории, отличающейся от прежней не только использованием количественных методов, но и качественно. <...>

Мы сказали, что в культурном мире Меноккио нельзя выделить отдельные блоки. Они обозначаются только на известной исторической дистанции: мы отмечаем стремление к радикальному обновлению общества, внутреннее охлаждение к религии, проповедь веротерпимости — все это мотивы, встречающиеся уже у представителей высокой культуры XVI века и становящиеся с течением времени необходимым признаком «прогрессивного» мировоззрения. Меноккио тем самым оказывается на той директории исторического развития — подчас еле заметной и далеко не прямой, — которая ведет в наше время: в каком-то смысле он наш предшественник. Но Меноккио также — доставшийся нам почти случайно осколок темного, непроницаемого для взора мира, который находится в стороне от нашей истории. Этот мир с его культурой был стерт с лица земли. Он не полностью доступен нашим аналитическим методам, в нем всегда остается темный осадок непознанного, но признавая это, мы вовсе не впадаем в бессмысленное преклонение перед экзотикой и тайной. Мы просто отдаем себе отчет в разрушениях, произведенных историей и сказавшихся в определенной степени и на нас. <...> Возрожденное человечество — это человечество, обретшее свободу.

Источник: Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. - М.: РОССПЭН, 2000. - 272 с.

Карло Гинзбург

Микроистория: две-три вещи, которые я знаю о ней (с сокращениями)

1. Кажется, впервые я услышал о "микроистории" от Джованни Леви. Думается, я начал использовать это ранее неизвестное мне слово, не задаваясь вопросом о прояснении его буквального смысла: вероятно, я удовлетворился ссылкой на малый масштаб исследования, вытекающий из приставки "микро".

2. Насколько мне известно, первым слово "микроистории" в качестве самоопределения было использовано американским ученым Джорджем Р. Стюартом в 1959 году. В одной из лекций он утверждал, что для истолкования литературного текста необходимо сначала раскрыть смысл содержащихся в нем идентификаторов окружающей среды: местности, растительности, метеорологических условий. Эта страсть к микроскопическим деталям вдохновила его также к написанию книги, которая в данном случае меня интересует. В ней Стюарт более чем на 300-х страницах очень детально, буквально поминутно анализирует решающее сражение Гражданской войны в Америке. Растягивая время и сжимая пространство Стюарт почти с болезненной скрупулезностью анализирует то, что он называет "кульминационным моментом кульминационного события войны, главным моментом нашей истории". Если бы неудавшаяся атака Джорджа Эдварда Пикетта увенчалась успехом, утверждает Стюарт, то сражение при Геттисберге могло бы закончиться иначе; и в этом случае "наличие двух соперничающих между собой республик не позволило бы Соединенным Штатам влиять на ход двух мировых войн и благодаря этому превратиться в мировую державу". Микроистория Стюарта выливается в размышления относительно носа Клеопатры.

3. Несколько лет спустя, совершенно независимо от Стюарта, мексиканский исследователь Луис Гонсалес-и-Гонсалес ввел слово "микроистория" в подзаголовок монографии ("Бунтующая деревня", Mexico, 1968). В ней прослеживаются изменения, происходившие в маленькой, "забытой богом" деревне на протяжении четырех веков. В данном случае микроистория является синонимом локальной истории, написанной с точки зрения качественного, а не количественного подхода.

4. Для Броделя "микроистория" имела очень конкретный, хотя и негативный, смысл: она была синонимом "событийной истории", той "традиционной истории", согласно которой в "так называемой всемирной истории" господствовали протагонисты, подобные дирижером оркестра. В течение короткого и бурного периода Бродель полагал, что традиционная история менее интересна, чем микросоциология, с одной стороны, и чем эконометрия, с другой. Бродель исключал возможность единичного научного познания: отдельный факт мог, вероятно, взять реванш только если бы он был повторяющимся. Однако микроистория все еще осуждалась. Слово, сконструированное наподобие "микроэкономики", "микросоциологии" по-прежнему сохраняло узкоспециальный смысл.

5. Вскоре после его появления в "Периодической таблице" слово "микроистория" вошло в лексикон итальянской историографии, утратив, как это часто бывает, свой первоначально негативный смысл. Начало такой перемене термина положил, по всей видимости, Джованни Леви (троюродный брат Примо). "Микроистория" быстро вытеснила термин "микроанализ", который употреблялся в те же годы Эдоардо Гренди более или менее с тем же смыслом.

6. Следует еще уточнить смысл термина: представляется очевидным, что история слова лишь отчасти предопределяет его возможное использование.

7. Никто из итальянских историков, изучающих микроисторию (а это довольно разнородная группа), не отнес бы себя к "событийной истории" Джорджа Стюарта, к локальной истории Луиса Гонсалеса-и-Гонсалеса, или же к "малой истории" Ричарда Кобба. Однако нельзя отрицать, что столь отличная от других (начиная с ее теоретических посылок), итальянская микроистория рождается из противопоставления по отношению к историографической модели, о которой я только что упомянул.

8. Во всех общественных институтах любое новшество, даже перелом пробивает себе дорогу через подтверждение преемственности с прошлым.

9. Утверждение национальной целостности, приход к власти буржуазии, цивилизаторская миссия белой расы, экономический рост предоставляли историкам каждый раз, в зависимости от точки зрения и принятой оценочной шкалы, унифицирующий принцип, имевший как для концептуальных построений, так и для подачи материала. Этнографическая история серийного типа намеревается порвать с этой традицией. Здесь пересекающиеся пути серийной истории и микроистории расходятся; расхождение имеет одновременно интеллектуальный и политический характер.

Выбрать в качестве объекта изучения только то, что повторяется, и поэтому поддается выстраиванию в серию, означает заплатить в познавательном смысле очень высокую цену. Во-первых, в хронологическом плане: античная история исключает подобный подход; средневековая история часто делает его затрудненным. Во-вторых, в тематическом плане: такие сферы, как история идей и политическая история по определению не могут быть предметом подобного типа исследования. Но самый главный недостаток "серийной истории" связан именно с тем, что должно было бы составлять ее главную цель: "уравнивание индивидов в их ролях экономических и социокультурных агентов". Это "уравнивание" вдвойне обманчиво. С одной стороны, оно оставляет за скобками очевидный момент: в любом обществе историческая документация по самой своей сути искажена, поскольку условия доступа к ней связаны с ситуацией в сфере власти, подверженной нестабильности. С другой, - оно практически уничтожает специфичность имеющихся документов в пользу того, что является однородным и сравнимым.

Очевидно, что историческое исследование настоятельно требует выстраивания серий документов. Менее очевидна позиция, которую историк должен занять в отношении обнаруживающихся в этих документах отклонений от остальных свидетельств. Каждый документ, пусть даже и самый специфичный, может быть включен в серию и более того, он может помочь (если его должным образом проанализировать) пролить свет на более обширную серию документов.

10. В начале 60-х годов я занялся изучением процессов инквизиции, пытаюсь реконструировать, не только позиции судей, но также поведение мужчин и женщин, обвиненных в колдовстве. Я сразу же убедился, что эта отнюдь не этноцентристская перспектива требует сопоставления с исследованиями антропологов. И лишь намного позднее, в годы между написанием "Одобрющих" и "Ночной истории", я в полной мере осознал, какие сложности, концептуальные и стилистические, заключены в историографии выбранного мною жанра. Отказ от этноцентризма привел меня не к серийной истории, а к ее противоположности: к пристальному анализу конкретных документов, связанных с совершенно неизвестным индивидуумом.

Уменьшить масштаб исследования означало превратить в книгу то, что для другого ученого могло бы стать простой сноской в конце страницы предполагаемой монографии о протестантской реформе во Фриули. Мотивы, подтолкнувшие меня тогда к этому выбору, мне до сих пор не совсем ясны. Для того, чтобы проследить их, по крайней мере частично, я начну с факта, не совсем очевидного. "Сыр и черви" не ограничивается реконструкцией истории индивида, он ее рассказывает.

Прежде чем начать писать книгу "Сыр и черви", я долго размышлял над связью между исследовательской гипотезой и выбором формы повествования. Я поставил перед собой цель воссоздать интеллектуальный, моральный и фантастический мир мельника Меноккио с помощью документов, авторами которых были те, кто послал его на костер. Этот замысел, в некотором смысле парадоксальный, мог воплотиться в плавный рассказ, способный превратить лакуны в документах в отполированную поверхность. Мог, но, несомненно, не должен был: по причинам одновременно когнитивного, этического и эстетического характера. Трудности, встававшие перед исследователем, заключались в самих документах и, следовательно, должны были стать частью рассказа; так же как колебания и молчание героя в ответ на вопросы его преследователей или же - на мои. Таким образом, гипотезы, сомнения, неуверенность стали частью изложения, поиск истины стал частью достигнутой истины (неизбежно неполной). И мог ли такой результат все еще определяться как "нарративная история"? Для читателя, хотя бы немного знакомого с романами XX века, ответ очевиден.

11. Импульс для подобного типа повествования (и в целом - для занятий историей) пришел ко мне из более далекого времени: от "Войны и мира", от высказанного Толстым убеждения, что каждое историческое явление может стать понятным только в результате реконструкции деятельности всех людей, принимавших в нем участие. Я отдаю себе отчет в том, что это утверждение, также как и чувства, его породившие (популизм, гневное презрение к бессодержательной и надуманной истории историков), оставили во мне с момента, когда я прочел его в первый раз, неизгладимый след. "Сыр и черви", история мельника, решение о смерти которого было принято издали, человеком (папой), минуту назад никогда не слышавшим о нем, может считаться минимальным и искаженным плодом грандиозного

и по сути неосуществимого проекта Толстого: реконструкции бесчисленных связей между насморком Наполеона перед Бородинской битвой, диспозицией войск, жизнью всех участников сражения, включая самого простого солдата.

В романе Толстого приватная сфера (мир) и публичная (война) то существуют параллельно, то пересекаются: князь Андрей участвует в сражении при Аустерлице, Пьер - в Бородинской битве. Благодаря персонажам романов становилась очевидной мучительная неадекватность обращения историков к исключительным (или считавшимся таковыми) историческим событиям. Речь шла о самом настоящем интеллектуальном вызове. Может показаться, что он принадлежит ушедшему прошлому, как, например, "история битв". Однако размышления о сражении как об историографической теме могут еще быть полезными: из них косвенно вытекает главная апория ремесла историка.

12. Вначале "микроистория", кажется, представляет простой синоним "монографического исследования". Взгляд с близкого расстояния позволяет нам увидеть нечто, ускользающее при общем взгляде, и - наоборот. Существуют феномены, понятные только в макрокопической перспективе. Это означает, что вовсе не произошло окончательного примирения между макро- и микроисторией (как, напротив, ошибочно полагал Тойнби). И все-таки следуя к нему стремиться. Лучшее решение было предложено Марком Блоком: постоянное лавирование между микро- и макроисторией, между близкими планами (close-ups), длинными и очень длинными (extreme long shots) планами, которое все время ставит под сомнение общее видение исторического процесса из-за встречающихся исключений и причин краткосрочного действия. Из такого методологического приема логически вытекал вывод несомненно онтологического характера: реальность по существу дискретна и гетерогенна. Поэтому ни одно заключение, касающееся определенной сферы, не может быть автоматически перенесено на более общую сферу.

13. Показать наличие совпадений интеллектуального плана и одновременно отсутствие прямых контактов часто является очень нелегкой задачей. Оценивая вещи с определенного расстояния, я обнаруживаю, что наши исследования были фрагментом более общей тенденции, очертания которой тогда были скрыты от меня почти полностью. Необычайная способность Толстого доносить до читателя физически осязаемую достоверность реальности кажется несовместимой с идеей, совершенно в духе XX века, которую я считаю центральной для микроистории: о том, что такие препятствия, возникающие на пути исследования, как лакуны и искажения в документах, должны превратиться в часть рассказа.

14. Специфический угол зрения каждого повествовательного источника способствует изображению одного и того же персонажа по-разному в разные моменты.

15. В прошлом историки занимались изучением ствола дерева или же ветвей; их постмодернистские последователи занимаются только листьями, то есть мельчайшими фрагментами прошлого, которые они исследуют изолированно друг от друга, независимо от более или менее обширного контекста (ветвей, ствола), частью которого они являются. Амбициозная претензия на познание прошлого исчезла; смысл фрагментов следует искать в настоящем, в том способе, "каким их конфигурация может быть адаптирована к существующим на сей день формам цивилизации".

Экспериментальный подход, собравший в конце 70-х годов группу итальянских исследователей микроистории, основывался на четком осознании того, что все этапы, из которых складывается исследование, конструируются, а не являются некоей данностью. Это относится к определению предмета исследования и его значения; выработке категорий, с помощью которых он анализируется; критериям проверки; стилистическим и повествовательным образцам, с помощью которых результаты доводятся до читателя. Но это акцентирование конструктивного начала, присущего исследованию, сочеталось с четким отказом от скептических (постмодернистских, если угодно,) выводов, столь широко представленных в европейской и американской историографии 80-х - начала 90-х годов. По моему мнению, специфику итальянской микроистории следует искать в этой установке на познавательность. Я бы хотел добавить, что мои работы в эти годы, хотя и вошли в значительной мере в книгу с четко выраженной макроисторической структурой ("Storia notturna"), продолжали идти, по крайней мере в том, что касается намерений, по этому двойному пути.

16. В итальянских микроисторических исследованиях анализируются как темы, важность которых признана и не вызывает сомнения, так и сюжеты, которые ранее игнорировались или же считались второстепенными, как, например, локальная история. В программном плане для всех этих исследований характерной чертой является неприменность контекста, что прямо противоположно изолированному созерцанию фрагмента. В таких случаях отсылка, явная или скрытая, к компаративному измерению неизбежна. Предмет исследования, как мы видели, может быть выбран потому, что он является типичным или потому, что он - повторяющийся феномен. Итальянские микроисторические исследования подошли к проблеме сравнения по-иному и в каком-то смысле противоположным образом: через аномалию, а не через аналогию. Прежде всего, предполагая, что потенциально более богатыми являются самые невероятные документы. Во-вторых, демонстрируя, что каждая социальная конфигурация является результатом взаимодействия неисчислимых индивидуальных стратегий; переплетением, которое можно реконструировать только при помощи наблюдения с очень близкого расстояния. Примечательно, что связь между этим микроскопическим измерением и более широким контекстом в обоих случаях (хотя и столь различных) становилась принципом, по которому строилось повествование. Результаты, полученные в микроскопической сфере, не могут быть автоматически перенесены в макрокопическую сферу (и -

наоборот). Эта разнородность, последствия которой мы еще только начинаем замечать, составляет в одно и то же время наибольшую трудность и наибольшее потенциальное богатство микроистории.

17. Джованни Леви, говоря недавно о микроистории, заключил: "это - автопортрет, а не групповой портрет". Я захотел сделать то же самое, но мне это не удалось. Границы группы, в которую я вхожу, а также границы моего собственного "я" показались мне в ретроспективном плане подвижными и неясными. Я с удивлением обнаружил, как много значили для меня, хотя я этого и не осознавал, книги, которые я никогда не читал, события и люди о существовании которых я не подозревал. Если это — автопортрет, тогда его моделью являются картины, на которых лица проникает в дом, пейзаж - в лицо человека, внешнее заполняет внутреннее, "я" проницаемо.

Источник: Современные методы преподавания новейшей истории. - М., 1996. - С. 207-234.

Вопросы и задания к текстам

1. Докажите, что тексты принадлежат историку постнеклассического направления.
2. Когда с точки зрения Гинзбурга термин "микроистория" утрачивает негативный смысл?
3. Как термин «микроистория» соотносится с коннотациями "событийная история", "малая история", "локальная история"?
4. Охарактеризуйте источниковую базу К. Гинзбурга. Чем она отличается от источниковой базы историков второй половины XIX – первой половины XX вв.?
5. На примере предложенных текстов определите истоки индивидуального творчества Карло Гинзбурга (как соотносится проблема индивидуального творчества с проблемой коллективного разума). Дайте свою интерпретацию заключительного 17 тезиса статьи.
6. Охарактеризуйте выбор проблематики труда К. Гинзбурга "Сыр и черви" с точки зрения связи с поисками мировой исторической мысли, с точки зрения влияния художественной литературы.
7. Можно ли рассматривать «микроисторию» как интеллектуальную историю?

Б) Заполните таблицу (3 операции)

На каких аспектах акцентировали бы внимание историки, придерживающиеся других методологических подходов:

Методологические подходы	Приоритетные акценты (с примерами)
Провиденциализм	
Романтизм	
Психоистория	